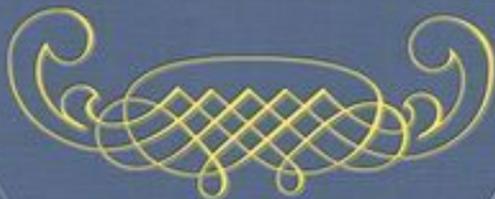

И. С. ЛУКАШ

Иван Созонтович Лукаш
Марат и Робеспьер в России
Серия «Со старинной полки»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2454785

Аннотация

«По мокрой погодице, в самую осень 1792 года, когда улица Шклова шумит под колесами, как одна унылая лужа, а жидовки даже не выгоняют хворостиной под дождь гусынь своих, у пышного въезда Шкловского дворца остановилась жидовская таратайка.

Из таратайки при помощи тощего и мокрого возницы, откинув сырую епанчу, выбрался неизвестный путешественник...»

Иван Созонтович Лукаш

Марат и Робеспьер в России

По мокрой погодице, в самую осень 1792 года, когда улица Шклова шумит под колесами, как одна унылая лужа, а жидовки даже не выгоняют хворостиной под дождь гусынь своих, у пышного въезда Шкловского дворца остановилась жидовская таратайка.

Из таратайки при помощи тощего и мокрого возницы, откинув сырую епанчу, выбрался неизвестный путешественник. Он стал прямо в лужу, хотя на ногах его не по осени были тонкие шелковые чулки персикового цвета и парижские башмаки с пряжками, на красных каблуках. Путешественник был в голубом потертом кафтане, на котором были следы недавно споротых парчовых галунов и плоских пуговиц с королевскими лилиями.

Зорич тогда уже «выбыл из случая», провождал дни свои в шкловском отдохновении за многодневными пирами, за многонощными карточными играми, и на его открытый стол в Шклов немало прибывало тогда искателей приключений, приживалов, приезжих дворян, скромных просителей, иностранцев и бедных офицеров.

Путешественник в светло-голубом кафтане, скинув под

дождем сырую треуголку, приглаживал к впалым щекам пряди мокрых волос, стриженных по французской новой моде а la Tite, и озирался с недоумением.

Наконец, зашагал он по лужам к тяжелой решетке дворца.

Прибытие его было примечено только шкловским почтмейстером, кривым на левое око, известным ябедником и собачником. Почтмейстер как раз отомкнул окно, чтобы посмотреть, не прояснело ли и нельзя ли выгнать на двор щенячью ватагу, заблошившую всей покойчики.

Со спины иностранец, идущий под дождем без шляпы, был сутуловат и показался почтмейстеру подозрительным. Надобно сказать, что за дворцом выбылого из фавора Зорина, после того как среди толпы его гостей были открыты делатели фальшивых ассигнаций, хотя бы и негласно и весьма вежливо, без особых господам путешественникам беспокойств, но Сама Augustissima повелела учинить секретное наблюдение.

Иностранец подал во дворе бумаги и подорожную на имя бывшего капитана королевской службы французского флота, эмигранта графа де Монтегю, покинувшего мятежнический Париж и принятого ныне в службу ее величества в Российский черноморский флот с чином капитан-лейтенанта. Наслышанный о великодушном гостеприимстве господина Зорича, капитан-лейтенант почел долгом по дороге из Польши побывать в Шклове.

Зорич радушно принял нового гостя, и в тот же вечер

при многих свечах господин Монтегю, помигивая ресницами, отменно метал банк, ставил на тройку, загибал пароли и сетелева и молча подгробал к себе со стола тощей горстью синие ассигнационные билеты и ясные рубли.

Впрочем, иностранный капитан казался грустным и как бы растерянным. С приметной тревогой оглядывал он блестящее собрание заезжих господ и не вступал в любезные беседы. Однако пожаловался на нездоровье, приключившееся ему от долгой дороги. Дворецкий отвел прибылому графу покои во флигеле, на заднем дворе. На другой день иностранец не был на людях, наказав слугам доставить ему почту, которую ждал он из Риги.

Почта и открыла, кто таков был этот скромный капитан королевского флота с горящими глазами и концами плоских волос, падающих *a la Tite* на впалые щеки.

Кривой почтмейстер «из подозрения», как отмечает старинный документ, вскрыл пачку иностранных газет, прибывших вскоре из Риги на имя графа де Монтегю.

«Почтмейстер распечатал их и, рассматривая с прилежанием, заметил, что на одном листе, между строк, шероховато. А когда поднес листок сей к огню, там нечто оказалось написанным секретными литерами».

Секретные литеры были разобраны вскорости, и в них открылось, что капитану Монтегю была прислана от конвента французского не больше не меньше, чем инструкция «сжечь весь черноморский Российский флот».

Монтегю оказался якобинцем. Ночью «сего Монтегю под крепким караулом отправили в Санкт-Петербург».

Там военный суд приговорил его «быть продернута на железном канате под корабль, по морскому уставу, но материнским милосердием Ее Величества приговор сей был отменен, и злобствующий якубит, быв только ошельмован на эшафоте публичным преломлением на голове его шпаги, – сослан в Сибирь в вечную каторжную работу».

Неизвестно, что случилось с Монтегю в Сибири. Но этот якобинец был тогда не один в России.

Французская революция вовсе не ограничивала себя «национальными пределами» – ее замах, ее замыслы и происки были такими же всеобщими, «планетарными», как и варварские попытки ее нынешних московских подражателей.

Достаточно вспомнить хотя бы восстания италийские или один из девизов французской революции у Костюшко – его перевод хорошо знаком нам теперь: «Guerre aux chateaux, paix aux campagnes».

Якобитские эмиссары не оставляли тогда своим вниманием и России.

Князь Белосельский-Белозерский пишет 26 августа 1792 года из Парижа, что там 1200 якубитских тираноубийц торжественно «покаялись убивать королей». От того же года сохранилась такая любопытная записка Суворова:

«Анжело от Жакобитского клуба с сыном и пятью чело-
веками отправлен будет в Россию ради произведения у нас

французской революции».

Тогда же отправился в Россию якобинец Бассевиль, «чтобы убить Екатерину».

В дневнике своем, апреля 8 числа 1792 года, Храповицкий записывает в Царском Селе:

«Поутру дан секретный приказ здешнему губернатору, чтобы искать француза Бассевиля, приехавшего через Кенигсберг 22 марта со злым умыслом на здравие Ее Величества».

Во дворце были усилены гвардейские караулы, на площади выставлены рогатки. А 24 апреля, как записывает Храповицкий, императрица «шутила насчет француза и, показывая в окно на идущих солдат, сказала:

– Ils n'ont pas des piques patriotiques».

– Ni des bonnets rouges, – ответил Храповицкий.

Этот красный колпак был вбит на голову русского солдата только через 115 лет.

А в те дни было получено из Москвы от князя Прозоровского секретное донесение о взятии под караул московского мартиниста и вольного каменщика Новикова. Старая императрица, вооружась своими знаменитыми очками в роговой оправе, сама рассматривала тогда мартинистские бумаги, доставленные из Москвы во дворец, и есть указание, что среди новиковских бумаг была якобы найдена ею зашифрованная переписка с главой немецких иллюминатов Вейсгауптом, который в свой черед сносился с французскими якобитами на

предмет учинения в России переворота, вольности, равенства и республиканского правления.

К концу мая Новикова уже привезли в Шлиссельбургскую крепость и заключили в том каземате, где содержался и был забит поленьями и приколот шпагою печальнейший царевич российский Иоанн.

Тени революции – хотя бы этот капитан Монтегю, готовивший пожар Российского черноморского флота, эти неведомые никому иллюминатские бумаги Новикова, или Радищев, который, по мнению Екатерины, «хуже Пугачева», или этот неуловимый убийца Бассевиль – тени революции близко прошли тогда у дворца Августейшей.

Но так и канул в неизвестность Бассевиль, и не прибыл «Анжело из Жакобитского клуба», и все это «произведение у нас французской революции» кончилось ничем... И все же сохранилось странное, волнующее и зловещее сочетание нашей старинной и благородной империи с самыми зловещими и самыми грозными именами французской революции – с именами Марата и Робеспьера.

Мало кому известно, что и брат Марата, и брат Робеспьера, бежавшие из Франции, нашли тогда приют в России.

О них мы знаем очень мало – разве только то, что они были эмигрантами. Ни одной живой черты, ни одной памятки. Но и для брата Марата, и для брата Робеспьера наша старинная Россия стала вторым отечеством, в котором они мирно жили и мирно скончались.

В «Русском архиве» за 1865 год Юрий Толстой дает о них такую краткую справку: «Брат Марата, под именем де Будри, был гувернером в Царскосельском лицее, а брат Робеспьера, под именем де Мельян, жил в Киеве».

Так, по воле таинственной судьбы, брат Марата стал одним из воспитателей Пушкина.

Царскосельский Марат нашивал, кажется, нечистый, весьма закиданный табаком камзол, чулок его почасту был полуспущен, был он неряшлив, вспыльчив и с трогательностью почитал память старшего брата – страшного Марата Парижского, этого «зловонного исчадия ада, костоправа Сатаны и двуногой гиены с гноящимися глазами».

И ничего мы не знаем о жизни в Киеве брата Робеспьера. Сохранилось только предание, что имя де Мельян, выправляя его бумаги, дал ему тамошний губернатор, вспомнив, может быть, «Робеспьера Яицкого» – Емельяна Пугачева.

Известно также, что, кроме братьев Марата и Робеспьера, приют в нашем отечестве, среди сотен эмигрантов, нашел и еще один любопытный эмигрант – секретарь самого Робеспьера, гражданин Дюжюр.

И любопытнее всего, что этот Дюжюр, этот бывший якобит и бывший ближайший помощник воркующего Голубя революции и вдохновителя гильотины на заре «дней Александровых прекрасного начала» стал у нас ректором императорского Санкт-Петербургского университета...